

ГЕОРГИЙ ЗУЕВ

Петер-река

МОЙКА

правый берег

ОТ НЕВСКОГО
ПРОСПЕКТА
ДО УСТЬЯ

Всё о Санкт-Петербурге

Георгий Зуев

**Течет река Мойка. Правый берег.
От Невского проспекта до Устья**

«Центрполиграф»

2014

Зуев Г. И.

Течет река Мойка. Правый берег. От Невского проспекта до Устья / Г. И. Зуев — «Центрполиграф», 2014 — (Всё о Санкт-Петербурге)

Предлагаемая читателям публикация логически завершает цикл из трех книг, посвященных Мойке. В первой пройден маршрут от истока до Невского проспекта, вторая провела читателей по левому берегу вниз по течению от Зеленого моста. В третьей путь начинается от того же моста, но проходит он вдоль правого берега... Основным принципом отбора объектов, эпизодов и персоналий для каждого очерка этой книги Георгий Зуев избрал не формальную их принадлежность к конкретному участку на берегу реки, а историческую значимость и культурологический интерес. Дом Чичерина, особняк Руадзе, торговый дом у Красного моста, дома Министерства государственных имуществ у Исаакиевской площади, обезглавленная бывшая Реформаторская церковь, Крюковские морские казармы и, наконец, загадочная Новая Голландия... Один перечень интригует, а у каждого потрясающая история, полная неожиданных поворотов и неизвестных ранее деталей. Автор надеется, что представленные в заключительной книге материалы помогут увлеченным отечественной историей и равнодушным к городу на Неве лучше узнать Санкт-Петербург, ибо нет необходимости говорить, что нельзя любить город, не зная его истории.

© Зуев Г. И., 2014

© Центрполиграф, 2014

Содержание

От автора	6
На берегу столичного приграничья	15
Временный Зимний дворец Елизаветы Петровны	27
Дом генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга Н. И. Чичерина	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Георгий Зуев
Течет река Мойка. Правый берег.
От Невского проспекта до Устья

Автор идеи Дмитрий Шипетин

Руководитель проекта Эдуард Сироткин

© Зуев Г. И., 2014

© ООО «РТ-СПб», 2014

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

От автора

Предлагаемая читателям книга логически завершает две ранее опубликованные работы автора о примечательной реке центрального района Санкт-Петербурга. Публикуемые здесь исторические очерки и этюды посвящены прошлому и настоящему правобережья городского водоема от Зеленого моста до места его впадения в Большую Неву.

До основания Петром Великим Санкт-Петербурга эта местная болотистая речка долгое время носила ижорское название Муя, была весьма загрязнена илом и протекала среди непроходимых топких мест и торфяной трясины. Берега Муи стали осваиваться в первые годы строительства Петербурга. Этот местный ижорский водоем, получивший тогда новое название Малой речки, или Мьи, по указу русского императора очистили от многовекового ила, грязи, расширили русло реки и впервые укрепили деревянными щитами ее топкие берега. В 1711 году для осушения значительной части территории нового столичного города прорыли канал, соединивший Мью с рекой Фонтанкой. Протяженность очищенного от ила водоема с расширенными и укрепленными берегами составила свыше пяти километров, и на плане Петербурга 1716 года видно, что извилистое русло реки Мьи проходило через центральную часть нового столичного города, омывая с южной стороны Адмиралтейский остров, в непосредственной близости от первой государственной верфи.

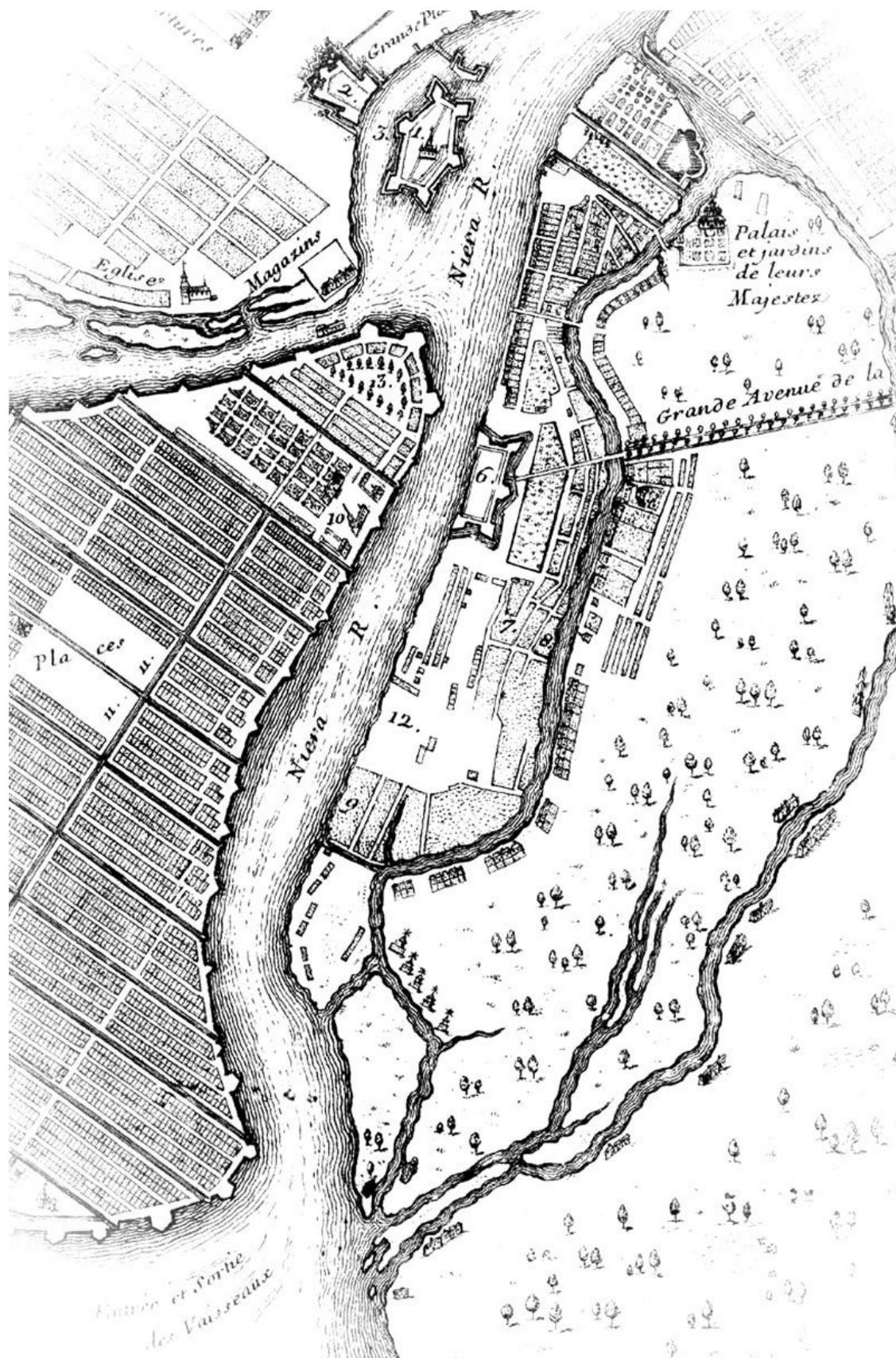
Проект Адмиралтейства, а точнее его «рабочий чертеж», составил сам император Петр I, потребовавший в ноябре 1704 года, чтобы Адмиралтейство – вторая по своей огневой мощи военная крепость новой столицы Российской империи – было одновременно приспособлено «для строения боевых кораблей». Корабельную верфь по распоряжению царя надлежало «строить внутри территории Адмиралтейства».

Около половины боевых линейных русских кораблей первой четверти XVIII века – 23 из 48 судов – сошло в то время со стапелей Адмиралтейства. Среди них особенно выделялись такие морские гиганты отечественного флота, как 92-пушечный «Гангут» и 90-пушечный линкор «Лесное».

Современники, русские и иностранцы, признавали весьма высокое качество российских военных кораблей – быстроходных, маневренных и достаточно устойчивых. Следует отметить, что в начале XVIII столетия, в первые годы своего строительства, новая российская столица являлась весьма небольшим городом. В районе Адмиралтейства он занимал площадь от Большой Невы до реки Мьи, а у Смольного, на Выборгской стороне и у Литейного проспекта располагались малочисленные разрозненные поселения, окруженные вековыми лесами, болотными топиями и заливными лугами.

Большинство отечественных историков довольно убедительно полагают, что становление и развитие новой имперской столицы на первых порах действительно шло довольно хаотично и стихийно. Этому объективно способствовали многочисленные и достаточно веские причины, продиктованные тяжелым бременем и затратами по ведению Северной войны, а также неблагоприятными условиями выбранной императором местности для возведения Санкт-Петербурга (огромные заболоченные площади земель, требующих капитальных мелиорационных работ). К этому добавлялись периодические катастрофические наводнения с тяжелыми разрушительными последствиями и глобальных размеров стихийные опустошительные пожары, нередко охватывавшие центральные районы Северной столицы.

Камер-юнкер Ф.-В. Берхгольц писал в своем дневнике: «Здесьняя земля из-за сырости ничего не родит». Иностранцы полагали, что «...если случатся затруднения в привозе в столицу продовольствия, то город окажется на грани голода».

Река Мойка. Фрагмент плана Санкт-Петербурга, 1717 год

Любопытно отметить, что первые основательные жилые строения появились в Санкт-Петербурге вначале именно на правом берегу реки Мьи в 1705 году, на участке между нынеш-

ним Невским проспектом и Исаакиевской площадью. Это были сравнительно небольшие деревянные дома, построенные для офицеров морского флота, корабельных мастеров и специалистов Адмиралтейской корабельной верфи.

Природные условия этого участка правобережья Мойки уже тогда потребовали от строителей, подрядчиков и рабочих особой тщательности и осмотрительности при закладке фундаментов жилых зданий. Их закладка требовала довольно глубоких траншей, в землю первоначально приходилось забивать деревянные сваи, а затем уже сооружать фундамент из путиловских плит. Первые жилые дома на правом берегу реки Мьи от Большой перспективной дороги (будущий Невский проспект) вниз по течению по приказу Петра I необходимо было «ставить в четкую линию, особым порядком». Красили дома тогда преимущественно в светлые тона. Категорически запрещалось «пестрить дома и всякое строение краскою... ибо их надлежало окрашивать ровно и прилично». На каждого владельца одновременно возлагалась обязанность укрепления топких берегов сваями и содержание в надлежащей чистоте участка берега реки в пределах своего жилого строения.

План Санкт-Петербурга 1716 года свидетельствует, что на правом берегу реки располагалась и так называемая Греческая слобода, в которой обычно селились капитаны и боцманы, прибывшие на жительство в русскую столицу из средиземноморских европейских портовых городов. К сожалению, в 1737 году эта слобода с ее домами была полностью уничтожена опустошительным пожаром, поглотившим тогда почти все строения правого берега реки Мьи.

С момента начала строительства Северной столицы правый берег реки Мьи и ее набережная становятся первой городской границей. В 1717–1718 годах в месте пересечения водоема с первоначальным отрезком Большой перспективной дороги, в ее створе, построили деревянный подъемный мост, выкрашенный в яркий зеленый цвет. Вероятно, приметная окраска этого мостового сооружения через реку позволила в дальнейшем назвать первый приграничный мост Петербурга Зеленым мостом, который до 1726 года не только выполнял важную роль переправы через городской водоем, но и нес ответственные многочисленные функции военной пограничной заставы и обязанности таможенного пропускного пункта в российский столичный город.

В первые годы нового XIX столетия с планов и карт Санкт-Петербурга исчезает официальное название реки Мьи и появляется ее сегодняшнее наименование – Мойка, представлявшее переосмысленный вариант старого названия древнего водоема.

Преобразованный отрезок правобережья реки Мойки от Зеленого моста до ее устья, ровесник Санкт-Петербурга, представляет собой немалый исторический интерес. По нему можно проследить весь процесс развития центрального района Северной столицы, ее замечательных ансамблей, знаменитых строительных шедевров отечественного зодчества, особенно эпохального строительства особняков и жилых домов, получить возможность представить себе жизнь и судьбы живших и работавших здесь в разные годы поколений наших сограждан. Облик этого романтического отрезка правого берега реки Мойки менялся вместе с ростом и развитием нашего города. С годами чередовались поколения горожан, возникали новые общественные потребности и задачи. На набережных правого берега этого городского водоема возводились новые здания, сносились и перестраивались ранее возведенные строения. Со временем изменялась и сама архитектура домов, следуя велению новой строительной моды и требованиям владельцев зданий. В разное время над строительством домов правого берега реки Мойки трудились знаменитые зодчие, авторы архитектурных шедевров, возведенных на этом ограниченном отрезке правого берега старинного водоема.

В границах рассматриваемого в настоящей книге отрезка правого берега реки Мойки до нашего времени сохранились некоторые образцы документального подтверждения уникального творческого таланта отечественных архитекторов. На месте снесенного временного Зимнего дворца императрицы Елизаветы Петровны, на территории, ограниченной правым бере-

гом реки Мойки и Невским проспектом, столичный генерал-полицмейстер Н. И. Чичерин в 1771 году возвел великолепный дом, ставший одним из прекрасных образцов стиля раннего классицизма, сменившего в России растреллиевское барокко.

Мойка у Синего моста

Соседний участок правобережья Мойки сегодня занимает солидное здание известного Петербургского университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича – одно из первых в стране высших учебных заведений, готовящих специалистов по радио– и радиоэлектронике. Этот огромный дом, возведенный здесь в 1850-х годах архитекторами Р. А. Желязевичем и Н. П. Гребенкой, прекрасно знали и любили петербуржцы XIX столетия. В его концертном зале, названном по фамилии владельца здания «залом Руадзе», а позднее – «залом Кононова», литературный столичный фонд устраивал прекрасные вечера в пользу нуждающихся литераторов. Здесь выступали Н. Г. Чернышевский, Н. А. Некрасов, Ф. М. Достоевский, давал концерты композитор А. Г. Рубинштейн.

В западной части Мойки, на ее правом берегу, на острове, названном в петровские времена Новой Голландией, в 1732 году построили деревянные склады для хранения и сушки корабельного леса. Проект этих весьма оригинальных складских помещений разрабатывал замечательный русский архитектор И. К. Коробов. Позднее, в 1779 году, на месте снесенных складов зодчий Валлен-Деламот возвел величественную знаменитую арку, названную «Арка Новой Голландии».

На правом берегу реки Мойки в 1840-х годах по проекту зодчего И. Д. Черника и военного инженера Посыпкина были сооружены массивные краснокирпичные здания Конногвардейских и Морских казарм. На набережной правого берега реки Мойки до наших дней сохранились три внушительных здания Военного министерства Российской империи, расположенных в домах № 65, 67 и 69.

Основным принципом отбора объектов, эпизодов и персоналий для каждого очерка этой книги автор избрал не формальную их принадлежность к конкретному участку старинного водоема, а историческую значимость и культурологический интерес. Нет необходимости опровергать мнение наших известных историков и краеведов, что городские здания неотделимы от судеб людей, населявших некогда особняки и дома Северной столицы в разные исторические

эпохи. Действительно, без них, обитавших некогда в барских особняках или доходных домах, трудно было бы понять и должным образом осмыслить этот уникальный Центральный участок Петербурга, его историю и душу.

Автор надеется, что представленные в исторических очерках заключительной, третьей книги материалы о реке Мойке помогут читателям, увлеченным отечественной историей и неравнодушным к нашему городу, лучше узнать Санкт-Петербург, ибо нет необходимости говорить, что нельзя любить свой город, не зная его и его многовековую историю.

На берегу столичного приграничья

В начале XVIII столетия в одном из наиболее живописных уголков центрального района возводимого Санкт-Петербурга располагался весьма значительный по своим размерам городской квартал, ограниченный правобережьем реки Мойи и участком Большой Морской улицы от нечетной стороны Невской першпективы до Кирпичного переулка. История этого необыкновенного квартала связана с необычайными эпохальными событиями – многочисленными и противоречивыми, сложными, а зачастую трагическими. Здесь в домах, возводимых на берегах реки Мойки, в разные годы жили и служили известные деятели отечественной политики, знаменитые военачальники, одаренные ученые, талантливые предприниматели, промышленники и всемирно известные представители российской культуры.

С момента начала строительства Санкт-Петербурга правый берег реки Мойи от места ее пересечения с Большой Першпективной дорогой – нынешним Невским проспектом – становится первой городской границей. Здесь в 1717–1718 годах, в створе Невского проспекта через реку Мойю, построили первый деревянный подъемный цветной мост – Зеленый, ставший приграничным сооружением города в сложных условиях длительной войны России со Швецией.

Перед ним установили заградительные рогатки, шлагбаумы и учредили круглосуточный воинский заслон от внезапного нападения передовых шведских подразделений. Указом первого губернатора новой столицы, светлейшего князя А. Д. Меншикова, для охраны и порядка передвижения пешего народа и транспортных средств через Зеленый мост в городе было введено обязательное ночное дежурство специальных сторожей из числа его обитателей. Подобные «караульщики» регулярно обходили приграничное побережье реки Мойи, задерживали ночью подозрительных лиц и оперативно пресекали всякое нарушение порядка.

Зеленый мост. 1808 г. Гравюра Б. Петерсона

Кстати, одобряя идею Александра Даниловича Меншикова о введении в новостроящейся столице штата ночных сторожей, ее строитель – Петр Великий – строжайше предупреждал своего любимца: «Чтобы в городе и на посаде, в улицах и переулках все было стройно и бережно, чтобы нигде разбоя, татбы и душегубства, и иного воровства не было...».

По указу царя на приграничном правом берегу реки Мойи, неподалеку от въезда на Зеленый мост, учредили пропускной пункт с деревянным полосатым шлагбаумом для официаль-

ного опроса приезжающих, осмотра багажа, проверки документов, взыскания надлежащих пошлин и установленных податей.

Регулярная контрольно-пропускная работа проводилась военным нарядом, дежурившим на Зеленом мосту. Шлагбаум обычно закрывался в одиннадцатом часу вечера. Его поднимали рано, «после пробития утренней зори». Воинские команды, несшие караульную службу у первого пограничного моста, руководствовались строгим императорским циркуляром, требующим его неукоснительного исполнения. Утвержденный Петром I документ предписывал первым российским пограничникам, «когда шлагбаум ночью опустят, в такие часы знатных персон и при них служителей пропускать с фонарями без задержания, а без фонарей не пропускать. А из подлых в такие неуказанные часы, разве кто за крайнюю нуждою пойдет один с фонарем, спрося у него по указу пропускать же, а ежели два или три человека и более из подлых, хотя и с фонарем пойдут, тех брать под караул».

И еще одна любопытная подробность из истории этого мостового сооружения. Окружающая Зеленый мост территория со временем была облюбована купцами и разносчиками товаров, превратившими ее в удобное торговое место. После очередного углубления в 1711 году русла реки Мьи товары сюда стало удобно доставлять непосредственно по воде. У торговых шалашей и лотков образовывалась неимоверная толкучка, заполнявшая не только мост, но и проезд по Невской перспективе. К тому же первоначальный Зеленый мост оказался довольно узким. В начале десятих годов XVIII столетия по его деревянному подъемному пролету с трудом мог проехать лишь один экипаж, запряженный двумя лошадьми. Все это нередко приводило не только к нежелательному скоплению народа, но зачастую становилось причиной безжалостных, жестоких драк и кровопролитных схваток. Генерал-полициймейстер Петербурга даже вынужден был в 1718 году категорически запретить торговлю вблизи Зеленого моста, распорядиться о ее переносе в лавки и магазины и ходатайствовать перед царем о расширении проезжей части мостового пролета. Это дельное конструктивное предложение было реализовано при перестройке Зеленого моста лишь в 1735 году.

В 1730 году при подготовке к торжественной встрече только что коронованной в Москве новой императрицы Анны Иоанновны в Санкт-Петербурге на Невском проспекте у Зеленого моста возвели Адмиралтейские Триумфальные ворота по проекту работавшего в Адмиралтействе зодчего И. К. Коробова. Правый берег реки Мьи украсили многочисленными разноцветными флагами.

Триумфальные ворота, обильно украшенные богатой золоченой резьбой и скульптурными группами, представляли собой высокую трехпролетную арку с красивой башенкой на ее вершине. Центральная арка завершалась изящным резным картушем с изображением русского двуглавого орла.

В 1741 году, после бескровного государственного переворота, на российский престол торжественно вступила дочь Петра Великого – Елизавета Петровна. После главной церемонии Императорского двора – коронации в Москве – новая императрица возвратилась в Санкт-Петербург.

Ее приезд в столицу представлял собой торжественное зрелище и проходил по заранее подготовленному сценарию, названному «Диспозиция во время шествия Ея Императорского Величества Всемилостивейшей Государыни Лизавет Петровны в Санкт-Петербурх». В документ тогда включили расписанные в деталях действия всей участников «шествия».

Для встречи государыни на Невской перспективе специально возвели две триумфальные арки – у Аничкова моста через реку Фонтанку и у Зеленого моста через Мойку. По обе стороны Невской перспективы от Адмиралтейства до Зеленого моста замерли в почетном карауле гвардейцы Преображенского и Семеновского полков. От Зеленого моста до Аничкова выстроились гвардейские полки – Измайловский, Конногвардейский, Атаманский, Уланский и Морской экипаж, отдававшие императрице честь под громкий барабанный бой, звуки литавр и

громкий пушечный салют с бастионов Петропавловской крепости и Адмиралтейства. Перед Зеленым мостом царицу приветствовали знатные русские и европейские купцы, священнослужители и семинаристы, исполнявшие «Похвальную песнь».

Государыню также встретили стройные шеренги чиновников среднего класса и звуки оркестров Адмиралтейского и Кадетского корпусов.

Торжественное шествие сопровождали музыка духовых оркестров и колокольный перезвон церквей и соборов российской столицы. Торжественные триумфальные ворота просуществовали здесь около десяти лет, с годами стали ветшать и терять первоначальный блеск, поэтому городские власти приняли решение разобрать пришедший в ветхость исторический монумент, а на освободившемся месте возвести величественные каменные ворота. В их проектировании в 1760-х годах участвовали два замечательных столичных зодчих – Б.-Ф. Растрелли и А. В. Квасов, подготовивших весьма оригинальные проекты и модели новых каменных Триумфальных ворот. Но, к сожалению, ни один из них так и не смог осуществить эту постройку.

Доменико Трезини. Фрагмент скульптурной группы «Зодчие Петербурга» в Александровском парке

Первые жилые дома на углу правого берега реки Мойки и Большой Невской перспективы появились в 1705 году. Застройка жилых строений правобережья Мойки была связана с закладкой и строительством на левом берегу Невы в 1704 году мощной по тем временам верфи-крепости. Если главное руководство Балтийским флотом и ведущие судостроители Адмиралтейской верфи получили дарственные земельные наделы на левом берегу реки Невы, по обе

стороны от Адмиралтейства, то молодые морские офицеры, боцманы и унтер-офицеры, а также корабельные мастера и иной рабочий люд Адмиралтейской верфи по распоряжению самого Петра Великого селились в небольших деревянных домах, специально построенных для них на правом берегу реки Мьи в 1705 году.

Здания на правом берегу реки возводились по чертежам и указанию российских архитекторов Санкт-Петербурга, среди которых в первую очередь следует назвать зодчего Доменико Трезини, итальянца по происхождению, служившего в Дании и приглашенного русским царем на работу в Россию. Трезини прославился как талантливый фортификатор, ставший впоследствии первым ведущим зодчим Северной столицы, в которой он обрел свою вторую родину.

Современником Доменико Трезини был знаменитый архитектор и автор проектов первых жилых домов приграничного правого берега реки Мьи Михаил Григорьевич Земцов – любимец Петра I, выполнявший ответственные строительные поручения своего покровителя. Интересно, однако, все же заметить, что труд иностранных зодчих всегда оплачивался в России более щедро, чем русских. Если Доменико Трезини получал тогда 1000 рублей в год, то работа отечественных архитекторов ценилась в несколько раз меньше. Так, архитектор М. Г. Земцов, один из «птенцов гнезда Петрова», автор первых столичных построек и ответственных работ по планированию столичного города, оказывается, получал лишь 180 рублей ежегодно.

По мнению историка Петербурга П. Н. Столпянского, «застройка правого приграничного берега реки Мьи активно началась в 1706 году», когда сюда перенесли 23 избы для «морского флота офицеров». Жилые здания Петр I приказал «ставить в линию», четко определенным порядком, с обязательной ориентацией главных фасадов домов на реку. Последующие жилые строения правого берега также традиционно обращались к Мойке, и таким образом сохранялась узаконенная императором архитектурная традиция строительства зданий «порядками или линиями», обращенными к градоформирующей доминанте, в данном случае – к реке Мойке.

Между тем строительство Адмиралтейства, ранее предусматриваемое Петром I как судостроительная верфь с сараями, амбарами и жилыми помещениями на левом берегу реки Невы, подходило к завершению. Построенное государственными работниками или подрядом, сооружение не только соответствовало требованиям к предприятию по строительству российского военно-морского флота, но одновременно являлось мощным форпостом обороны Северной столицы и всего левого берега Невы против противника, пытающегося прорваться к Петербургу и развить наступление на столичный город.

Мощное артиллерийское вооружение укрепленных фортов Адмиралтейской верфи – крепости в любое время могло нанести сокрушительный удар по шведскому флоту в случае прорыва неприятельской морской армадой крепости Кроншлота и вторжения в устье Невы.

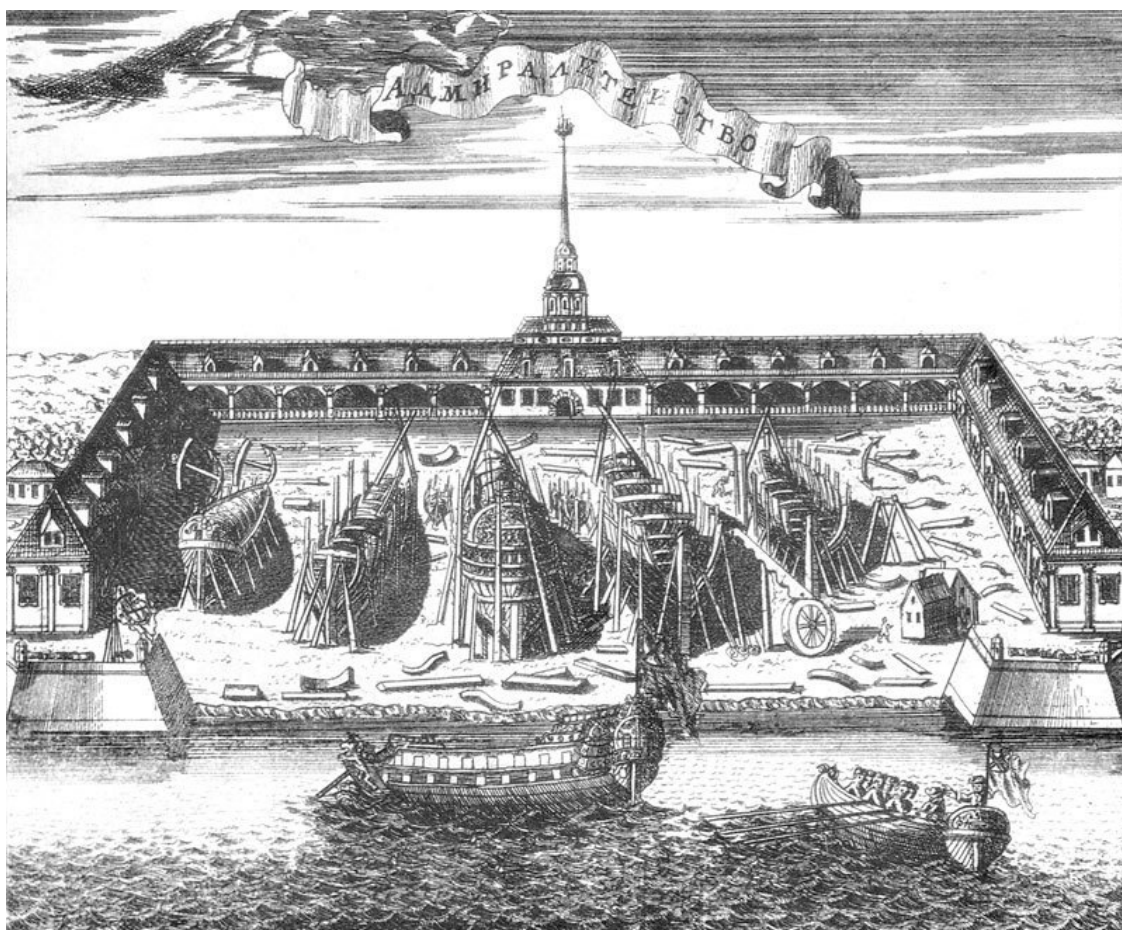
Окруженное с трех сторон укреплениями, Адмиралтейство еще до завершения его строительства приступило к сооружению первых российских военных кораблей, спускаемых на воду через открытое к Неве пространство. Строительством Адмиралтейства и первенцев российского военного флота по указу Петра I ведали светлейший князь А. Д. Меншиков и два его помощника – обер-комендант Северной столицы Р. В. Брюс и олонекский комендант Савва Яковлев.

Строительство Адмиралтейства, верфи и крепости успешно завершили осенью 1705 года. Первый военный гарнизон Адмиралтейства состоял из экипажей военных судов, приведенных в конце осени из Кроншлота в Санкт-Петербург на зимнюю стоянку. Офицеров и матросов разместили в домах, построенных на правом берегу реки Мьи, неподалеку от жилых зданий, построенных для мастеров и «государственных работников» судостроительной Адмиралтейской верфи.

Значение Адмиралтейства как верфи (после очередных побед в боях со шведами) неуклонно возрастало. В 1706 году с ее стапелей торжественно спустили на воду двух российских первенцев – 18-пушечный военный корабль «Прам» и яхту «Надежда». Особый подъем

на верфи Адмиралтейства отмечался после блистательной победы русских войск над шведами в Полтавском сражении. В честь этого великого подвига на стапелях Адмиралтейского двора заложили лидер военно-морских сил Российской империи – 54-пушечный линейный флагманский корабль «Полтава». Строителем первого русского линкора стал корабельный мастер Главного Санкт-Петербургского Адмиралтейства Петр Михайлов, или, иначе, император Петр Великий, при непосредственном участии самородка русского судостроения корабельного мастера Ф. М. Склеява.

Между тем строительство жилых и административных помещений на правом берегу реки Мьи разрасталось. Немалое пространство, ограниченное с северной стороны площадью перед Адмиралтейством, а с южной – рекой Мьей, в 1705 году пополнилось сотней деревянных изб для морских офицеров и рабочих Адмиралтейской верфи.

Адмиралтейство. 1716 г. Гравюра А. Зубова

Позже территория этого огромного городского квартала, ограниченного правым берегом Мьи и Большой Морской улицей с одной стороны и Невской перспективой и Кирпичным переулком – с другой, становится строительной площадкой для формирования многочисленных Морских слобод, заложивших прочное основание таких знаменитых исторических столичных магистралей, как Большая и Малая Морская улицы.

Однако первоначально это многочисленное поселение на правом берегу реки Мьи испытывало весьма существенные неудобства в приобретении товаров первой необходимости. Проектировщики тех далеких лет не озаботились об организации в центре Санкт-Петербурга продажи продуктов питания и разнообразных бытовых товаров, в связи с этим любимцам русского императора Петра I – кораблестроителям и морским офицерам, боцманам и шкиперам – дово-

дилось испытывать довольно большие неудобства. Населению данного участка, ставшего уже центральным районом города, приходилось покупать необходимые продукты и товары на территории Заячьего острова, где располагались торговые ряды, в которых одновременно торговали мясом, рыбой, хлебом, предметами одежды и строительными материалами. Здесь же во множестве находились харчевни и кабаки для рабочего люда, где рабочие и матросы могли подкрепить свои силы. Подобная ситуация, естественно, вызывала раздражение и крайнее неудовольствие жителей центрального района столицы.

В 1705 году морские офицеры, боцманы и работники Адмиралтейской верфи Санкт-Петербурга направили челобитную руководителю строительства Адмиралтейства светлейшему князю А. Д. Меншикову. В прошении отмечалось, что «... те мастеровые люди и моряки, кои ныне приехали, живут у Адмиралтейского двора, скушают, чтоб на сей стороне быть продаже съестным припасам и питье вина и пива, для того что им на другую сторону переезжать с трудом и от дела не надлежит». Реакция первого петербургского губернатора последовала мгновенно. По его распоряжению слева от Зеленого моста организовали Морской рынок, на котором торговали не только съестными припасами и одеждой, но также дровами и прекрасным луговым сеном. Однако по распоряжению самого Петра I «пожарного страха ради» Морской рынок вскоре перенесли на правый берег реки Мьи, неподалеку от Кирпичного переулка.

К этому же времени успешно завершилась прокладка первого отрезка Большой перспективной дороги, начатая по распоряжению Петра I от Адмиралтейства. Прямая перспектива тогда заканчивалась у правого берега приграничной реки Мьи, у пролета деревянного Зеленого моста. Основной рабочей силой, занятой на строительстве проспекта, стали те, кто, по планам шведского короля, должны были захватить Санкт-Петербург, – пленные шведские солдаты. Они же стали основными исполнителями при возведении на правом берегу Мьи, на углу Кирпичного переулка, двухэтажного каменного здания подворья-гостиницы Александро-Невской лавры. У Зеленого моста через Мойку возвели двухэтажный Гостиный двор типичной для XVIII столетия формы четырехугольника, с обязательным внутренним двором и открытой галереей на изящных арках, возведенных на обоих этажах. По распоряжению князя А. Д. Меншикова, неподалеку, около укреплений Адмиралтейства, поставили трактир «Петровское кружало», а позже знаменитый адмирал К. Крюйс по соседству с этим известным на всю столицу питейным заведением построил свой второй дом. Фасад жилого строения был обращен к Мойке, а не к Невскому проспекту, что, по мнению его строителей, особо подчеркивало немалое значение реки Мьи как важной столичной транспортной артерии и главной градоформирующей доминанты начала XVIII столетия.

Небольшие жилые строения мастеровых Адмиралтейской верфи, унтер-офицеров и морских офицеров также возводились фасадами к реке, а разные хозяйственные постройки обычно сооружались внутри закрытого двора.

Начиная с 1712 года «недостаточным» жителям столицы губернаторским указом предписывалось оштукатуривать свои деревянные дома и окрашивать строения в приятные светлые тона.

В 1716 году по проекту зодчего Г. И. Маттарнови приступили к строительству на правом берегу Мьи Мытного двора, где должны были брать «мыт» – пошлину с товаров. Кроме того, Петр I пытался упорядочить торговлю путем создания образцового единого торгового центра, которым, по его мнению, должен был стать Мытный двор.

В 1719 году, после кончины автора проекта – зодчего Маттарнови, император поручил завершение работ по Мытному двору петербургскому зодчему Н. Ф. Гербелю. Современные петербургские краеведы Л. И. Бройтман и Е. И. Краснова в книге об истории Большой Морской улицы приводят оригинальное описание Мытного двора, опубликованное в книге о Петербурге А. Богданова и В. Рубана, изданной в 1779 году: «Мытный двор, по описанию русских историков XVIII столетия, оказывается, располагался в двухэтажном доме, с башенкой посредине со

стороны Мойки. Строение построили из кирпича, но „весьма стенами тонко“. Крышу Мытного двора покрыли черепицей, „для чего понадобилось черепиц двести тысяч“. Торговали здесь не только продуктами, но и „хорошими, богатыми товарами“».

Петровский торговый центр на Адмиралтейской стороне теперь обслуживал огромный контингент рабочих Адмиралтейской верфи, морских офицеров, боцманов и военный гарнизон Адмиралтейской крепости – бывших клиентов Гостиного двора на Петербургской стороне. Возмущенное массовым оттоком своих постоянных покупателей торговое купечество Петербургской стороны направляло императору и губернатору столицы многочисленные челобитные, предлагая оставить в Санкт-Петербурге лишь один свой Гостиный двор. В своих прошениях купечество Петербургской стороны, забывая о прежних неудобствах населения центрального района города, огульно критиковало в своих посланиях торговлю и качество товаров на Адмиралтейском участке столицы. В челобитных, в частности, указывалось, что «на Мытном дворе, что на Адмиралтейской стороне, во многих лавках разных чинов люди, вопреки определению торговать только харчевными и съестными товарами, торгуют всякими товарами, от чего здешнему купечеству великая обида и разорение и торгу помешательство, также и пошлинам от того не без утраты, потому что от таможенного смотрения не в близости, да и лавкам гостиного двора немалое запустение».

После завершения строительства каменного Мытного двора, его, по повелению Екатерины I, окружили посадкой кленовых деревьев, оградив таким образом постройку «для сбережения» от скота. Площадь же перед новым Гостиным двором замостили камнем и даже выделили в 1721 году специальное место для казней и публичных наказаний.

Свидетелем одной из публичных казней на этой городской площади перед новым Гостиным двором на набережной реки Мьи в 1738 году стал родовитый известный русский поэт и дипломат Антиох Кантемир, который высказал свои впечатления об увиденном в одном из своих стихотворений. На помосте в тот день казнили отставного морского флота капитана-поручика Александра Возницына «за отпадение в жидовскую веру» и богатого купца – откупщика Баруха Лейбова, активно проповедовавшего иудейскую веру и уговорившего морского офицера и представителя старинного дворянского рода Возницына принять иудаизм. Боевой русский морской офицер Александр Возницын после долгих бесед со своим другом Барухом Лейбовым переменил веру своих предков на еврейскую и в присутствии своей супруги демонстративно выбросил в реку Мью все православные иконы своего дворянского рода. Возмущенная жена, произнеся в Тайной канцелярии сакраментальную фразу «Слово и дело», донесла о возмутительном поступке своего супруга. Делу был дан законный ход. Мужа арестовали вместе с его еврейским приятелем, подвергли жестокому допросу в Тайной канцелярии и по указанию императрицы Анны Иоанновны приговорили к смерти. В конце оглашения приговора чиновник произнес решение Сената: «...виновных казнить смертью и сжечь, чтобы, смотря на то, невежды и богопротивники христианского закона отступать не могли». Приговор свершился при большом скоплении народа, заполнившего не только площадь у нового Мытного двора, но и правобережную часть реки Мьи, примыкающую к месту казни.

Двухэтажный Мытный рынок для торговли съестными припасами, деятельность которого поощрялась государем и руководством Санкт-Петербурга, со временем становится образцом современной торговли по продаже населению Адмиралтейской части самых необходимых и сравнительно недорогих продуктов питания. Несколько дальше от Мытного рынка, вниз по течению реки Мьи, за Кирпичным переулком на правом берегу обустроили рыбные и мясные торговые ряды. В дополнение к ним здесь же соорудили два рыбных садка, где можно было купить живую рыбу, доставляемую с низовий Волги в Северную столицу наливными баржами. Постепенно ассортимент товаров Мытного рынка расширялся, столичные купцы стали торговать здесь не только продуктами питания, но и разнообразными промышленными и строи-

тельными товарами. Подобное расширение превратило Мытный рынок на Мойке в уважаемый населением Адмиралтейского района столицы универсальный Гостиный двор.

В начале 30-х годов XVIII столетия центр новой Северной столицы окончательно перемещается с Петербургской стороны в Адмиралтейские кварталы города. Однако канцелярия императора, дворец столичного губернатора князя А. Д. Меншикова и канцелярия генерал-полицмейстера графа Антона Мануиловича Девиера еще долго продолжали читать челобитные и послания русского купечества, владельцев рынков съестных припасов и магазинов на Петербургской стороне, пытавшихся убедить царя и Сенат, что «съестной рынок» Адмиралтейской части Санкт-Петербурга продолжает находиться в антисанитарном состоянии и его необходимо срочно «убрать подальше вместе с его опасными нечистотами и мерзостями». Вся эта переписка и поток пасквильных челобитных в одночасье прекратились 11 августа 1736 года после всепожирающего губительного пожара на правом берегу реки Мьи. Опустошительные пожары, охватившие русскую столицу во времена правления императрицы Анны Иоанновны в 1736–1737 годах, уничтожили всю центральную часть Адмиралтейского околотка, заполненную в те годы многочисленной деревянной застройкой. Тогда полностью выгорели и морские слободы на правом берегу реки Мойки.

Генерал-полицмейстер Петербурга Антон Девиер

11 августа 1736 года внезапно загорелся деревянный особняк на правом берегу Мьи, в непосредственной близости от Зеленого моста. Полицейское расследование установило, что виновником возгорания строения оказался прислужник персидского посланника, куривший трубку рядом с копной сухого сена, в которую попала искра, и пламя мгновенно охватило деревянные стены старого дома. В полицейском рапорте указывалось, что менее чем за восемь часов разбушевавшийся пожар уничтожил все жилые здания от Зеленого моста до Вознесенского проспекта. Пожар 1736 года полностью ликвидировал своеобразную доминанту тогдашней столицы, расположенную на правобережье реки Мойки, – двухэтажное здание Гостиного двора. Полицейский протокол зафиксировал, что «помпезное строение торгового комплекса, четырехугольное в плане, с таким же внутренним двором, покатой черепичной крышей с башней и высоким шпилем располагалось вблизи Перспективной дороги, на правом берегу Мойки. Полыхавший на набережной реки пожар охватил весь Гостиный двор, и он полностью выгорел и, не стерпя сильного огня, распался».

Пожар в Петербурге в 1737 году

После этого пожара Гостиный двор на правом берегу реки Мьи больше не восстанавливался. Однако небезынтересно заметить, что торговля живой рыбой на прибывавших с Волги баржах на этом печальном погорелом месте продолжалась до 1865 года. Правда, их путешествие в Северную столицу длилось довольно долго. Зимовали волгари обычно в Рыбинске. Плавание же по каналам от Рыбинска до Петербурга занимало 100–120 суток. Обычно барки или плоты тянули бурлаки или несколько пар лошадей. Из-за таких сложностей в доставке живой волжской стерляди и осетров цена на подобные деликатесные породы рыбы была на рынке достаточно высокой и могла быть доступной лишь состоятельным жителям Санкт-Петербурга.

«Комиссия о Санкт-Петербургском строении» решила, что вместо «згорелого Мытного двора... на том же месте ныне потребно построить Гостиный двор каменный без погребов о двух апартаментах (этажах. – Г. З.) и покрыть на деревянных стропилах черепицей или желе-

зом... а между Морской и Луговой улицами (Большой и Малой Морскими улицами. – Г. З.) ... построить казенный каменный дом... без погребов о двух апартаментах... а внутри одного сделать лавки для продажи всяких Сибирских и Ниренбергских товаров и конфискованных пожитков». План новостроек завизирован подписью городского зодчего П. М. Еропкина и ныне хранится в Российском государственном историческом архиве.

После опустошительных пожаров 1736–1737 годов на правом берегу реки Мойки погорельцы – морские офицеры, мастера Адмиралтейской верфи – переселились в Коломну, территория которой располагалась между Мойкой, Фонтанкой, Пряжкой и Крюковым каналом. Южная же граница российской столицы теперь царским указом передвинулась с берегов Мойки к набережным реки Фонтанки.

На уничтоженных огнем набережных Мойки многое необходимо было отстраивать заново. Посетив пожарище, императрица Анна Иоанновна была потрясена, и в 1737 году последовал императорский указ о запрещении строительства деревянных домов в центре двух недавних гигантских пожаров. Сенат решил своим распоряжением создать Комиссию о Санкт-Петербургском строении во главе с генералом Б.-Х. Минихом.

Вошедшим в Комиссию знаменитым зодчим П. М. Еропкину, Н. К. Коробову, С. Г. Земцову поручались разработка нового генерального плана Петербурга и работа по застраиванию «погорелых мест».

Застройка набережных реки Мьи должна была проходить и на ее правом берегу от Зеленого до Синего моста «единою фасадаю». Здесь, на выжженном дотла правобережье Мьи, Сенат и Комиссия о Санкт-Петербургском строительстве решили прежде всего застроить «погорелые места» на набережных реки и прилегающих к ним магистралям Северной столицы. Однако проходило время, а квартал между Мойкой, Невским проспектом и Кирпичным переулком еще долго оставался незастроенным. Правда, отдельные историки Санкт-Петербурга, а позже и краеведы XX столетия, просматривая в газетном читальном зале Российской национальной библиотеки подшивки газеты «Санкт-Петербургских ведомостей», находили отдельные факты, указывающие на одиночные признаки появления после пожаров на Адмиралтейской части новых построек и даже нескольких каменных домов, принадлежавших якобы некоторым столичным чиновникам и купцам.

П. М. Ерошкин

И все же большинство знатоков истории Адмиралтейской стороны продолжали авторитетно заявлять, что примерно до начала второй половины XVIII столетия «погорелые места» правого берега реки Мойки и прилегающие к ней улицы оставались незастроенными по целому комплексу достаточно объективных причин и веских оснований.

Временный Зимний дворец Елизаветы Петровны

В 1754 году левый берег реки Мьи украсился великолепным зданием дворца, возведенного придворным зодчим Бартоломео Франческо Растрелли. Первым владельцем этого архитектурного шедевра, расположенного на углу Невской перспективы в месте ее пересечения с рекой Мьей, становится один из богатых людей Российской империи, отпрыск знаменитых уральских заводчиков и владельцев золотыми приисками Сибири барон и камергер Сергей Григорьевич Строганов.

Современники с удивлением отмечали, что проект своего собственного дворца в столь престижном столичном месте барон смог заказать придворному архитектору Ф.-Б. Растрелли – творцу петербургских шедевров русского барокко и автору проекта строящегося в то время нового царского Зимнего дворца для императрицы Елизаветы Петровны на берегу Невы. В связи с этим хотелось бы обратить внимание читателей на ряд обстоятельств, вызвавших недоумение представителей высшего света и многочисленные пересуды в кругу аристократического общества. Во-первых, любые работы императорского архитектора на частного заказчика практически не проводились, ибо он являлся исключительно придворным зодчим. А, во-вторых, русская императрица Елизавета Петровна, занимая в ожидании завершения строительства нынешнего Зимнего дворца на Неве довольно скромный и сравнительно небольшой особняк на Царицыном лугу, все же милостиво позволила разрешить барону С. Г. Строганову воспользоваться услугами ее знаменитого придворного архитектора, вероятно, памятуя немалые заслуги его предков перед российским престолом.

После завершения строительства дворец С. Г. Строганова посетила дочь Петра Великого и, пораженная его красотой, блеском интерьеров и необычным внешним видом, даже высказала желание отпраздновать в нем свой день рождения, ибо к этой дате постройка императорского Зимнего дворца на левом берегу Невы, начатая в 1754 году, вряд ли могла быть завершена. В приватной беседе с Елизаветой Петровной барон Строганов и придворный архитектор Растрелли сумели убедить императрицу в целесообразности на некоторое время стать соседкой Строганова и покуда перебраться на противоположный правый пустующий берег реки, где зодчий Растрелли клятвенно обещал Елизавете Петровне построить весьма быстро достойный и презентабельный временный дворец русской императрицы.

29 декабря 1754 года императрица Елизавета Петровна «Высочайше апробировать соизволила план новобудующему на каменных фундаментах деревянному Зимнему дворцу, который имеет быть построен на Адмиралтейской части близ Зеленого мосту, на правом берегу реки Мьи и Невской перспективной дороги, на пустопорожном месте сгоревшего Гостиного двора и при той площади, что Адмиралтейскому Лугу».

13 февраля 1755 года придворный зодчий граф Ф.-Б. Растрелли представил на высочайшее рассмотрение детальные пояснения к проекту временного Зимнего дворца, в котором отмечал, что проект «ныне с некоторыми переменами для исправления работ в большом виде нарисован». 6 марта Елизавета Петровна утвердила служебную записку своего архитектора и разрешила начать строительство Зимнего временного дворца на правом берегу реки Мьи.

Центральная часть здания была выделена изящными сдвоенными колоннами и украшена резьбой. В этой части дворца располагалось его главное помещение – двухсветная галерея высотой десять метров. Убранство многочисленных парадных дворцовых помещений поражало всех своей изысканной пышностью и невероятной роскошью.

Выжженное пожаром 1737 года пространство, где некогда находились петровские Мытный и Гостиный дворы, было наконец-то застроено временным пристанищем российской императрицы, ожидающей окончания строительства Зимнего дворца на левом берегу Невы.

Ф.-Б. Растрелли

Временный деревянный Зимний дворец был возведен Растрелли в небывало короткий срок, всего за несколько месяцев. 5 ноября 1755 года, после торжественного богослужения по случаю окончания его строительства и освящения многочисленных дворцовых покоев, императорская фамилия – императрица Елизавета и ее племянник, наследник престола Петр Федорович (в будущем Петр III) с женой (будущей императрицей Екатериной II) – переехала в роскошный временный Зимний дворец из старинного небольшого особняка на Царицыном лугу.

Сообщая о торжествах по случаю завершения строительства дворца, популярная столичная газета «Санкт-Петербургские ведомости» поспешила известить столичных жителей о том, что «дворец нетокмо по внутреннему украшению и числу покоев и зал, коих находится больше ста, но и особливо потому достоин удивления, что с начала нынешней весны и так не более в шесть месяцев с фундамента построен и отделан». Газеты восторженно сообщали, что за этот короткий период времени «на строительство огромного по своим размерами дворцового здания подрядчик затребовал 2500 стекол различного размера и формы, 21 000 метров холста для оформления потолков многочисленных дворцовых залов».

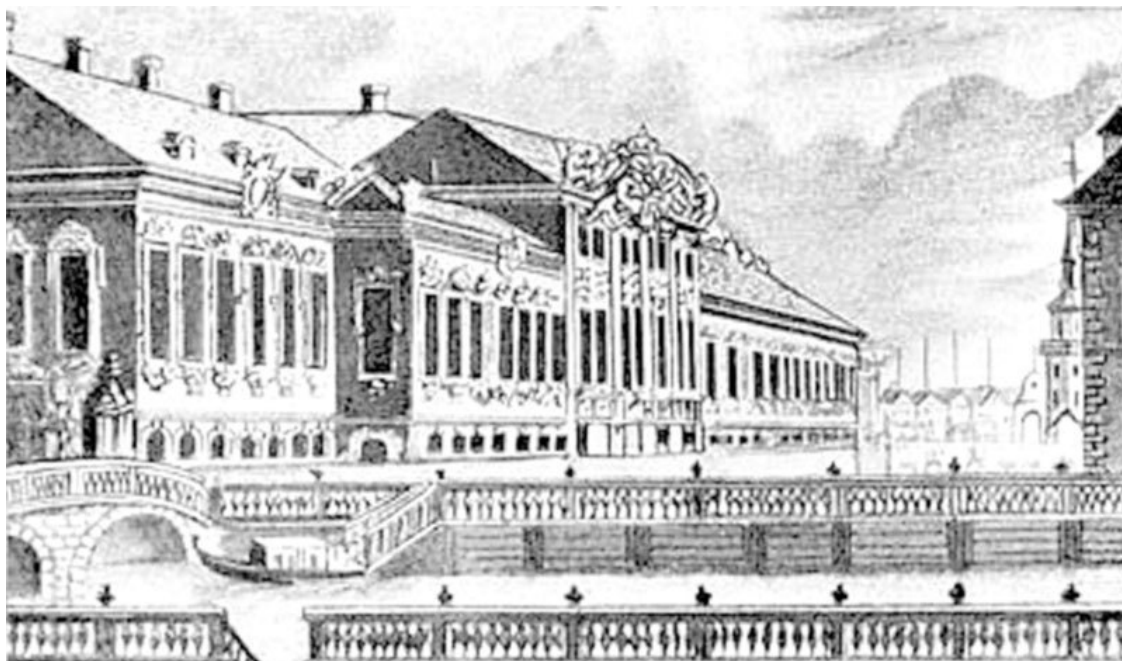
В связи со строительством временного Зимнего дворца небезынтересно отметить, что с появлением императорской резиденции Невской перспективе – главной магистрали российской столицы – стали уделять еще больше внимания, тщательнее благоустраивать улицу, поддерживать ее в идеальной чистоте и порядке. После завершения строительства временного дворца опубликовали даже «грозный» указ Елизаветы Петровны, категорически запрещающий обывателями развешивать для просушки белье на деревьях главной городской перспективы, «посаженных для увеселения. А если впредь кто по той Невской перспективе между березами будет платье развешивать, то оное отбирать в казну».

Газетные информации и воспоминания очевидцев, в том числе и исторические заметки принцессы Софии-Августы Ангальт-Цербстской, ставшей супругой наследника российского престола принца Петра Федоровича Екатериной Алексеевной, единодушно отмечали, что дворцовое здание занимало огромный городской квартал, перегородивший даже сквозной проезд по Большой Морской от Невской перспективы до Кирпичного переулка.

Необходимость возведения временного деревянного Зимнего дворца обуславливалась тогда немалыми сроками постройки нового здания, основного императорского Зимнего дворца на Дворцовой набережной.

Позже Ф.-Б. Растрелли писал: «Я построил большой деревянный дворец для зимней резиденции Ея Императорского Величества впредь до окончания каменного дворца, поскольку старый дворец, построенный по приказанию императрицы Анны, был снесен для того, чтобы там строить новый. Это здание состоит более чем из 156 комнат, с каменными погребями, с большой галереей в середине фасада, выходящей прямо на большой проспект... Оно было закончено и обставлено в течение семи месяцев. Все парадные апартаменты, приемные, тронный зал, галерея и прочие были украшены лепным позолоченным орнаментом и несколькими плафонами, помещенными в главных апартаментах».

Главный фасад деревянного одноэтажного временного Зимнего дворца с 52 окнами, украшенными оригинальными лепными наличниками, выходил на Невскую перспективу и простирался на 200 метров. Второй фасад здания заворачивался «глаголем» вдоль правого берега Мыи. Это второе крыло завершалось на берегу реки довольно массивным каменным дворцовым театральным корпусом.

Временный деревянный Зимний дворец императрицы Елизаветы Петровны на углу Невского проспекта и набережной Мойки. С гравюры Ф. Т. Внукова по рисунку М. И. Махаева, 1761 г.

При возведении временного Зимнего деревянного дворца архитектор Растрелли частично употребил строительный материал, полученный при демонтаже деревянного флигеля старого каменного Зимнего дворца на левом берегу Невы.

Каменный оперный театр временного Зимнего дворца украсили пышной позолоченной резьбой и массой огромных зеркал. По повелению Елизаветы Петровны 5 мая 1757 года в нем состоялось первое представление «для народа» русского профессионального театра под руководством знаменитого ярославского актера и театрального деятеля Федора Григорьевича Волкова, создавшего в 1756 году первый в Санкт-Петербурге постоянный профессиональный русский публичный театр.

В западной оконечности дворца к основному блоку дворцовых покоев «изнутри» примыкало строение каменной кухни. Ризалит дворцового строения с 22 окнами зодчий искусно украсил в стиле барокко 5 колоннами, над которыми укрепил значительных размеров императорский герб Елизаветы Петровны с ее вензелем и короной.

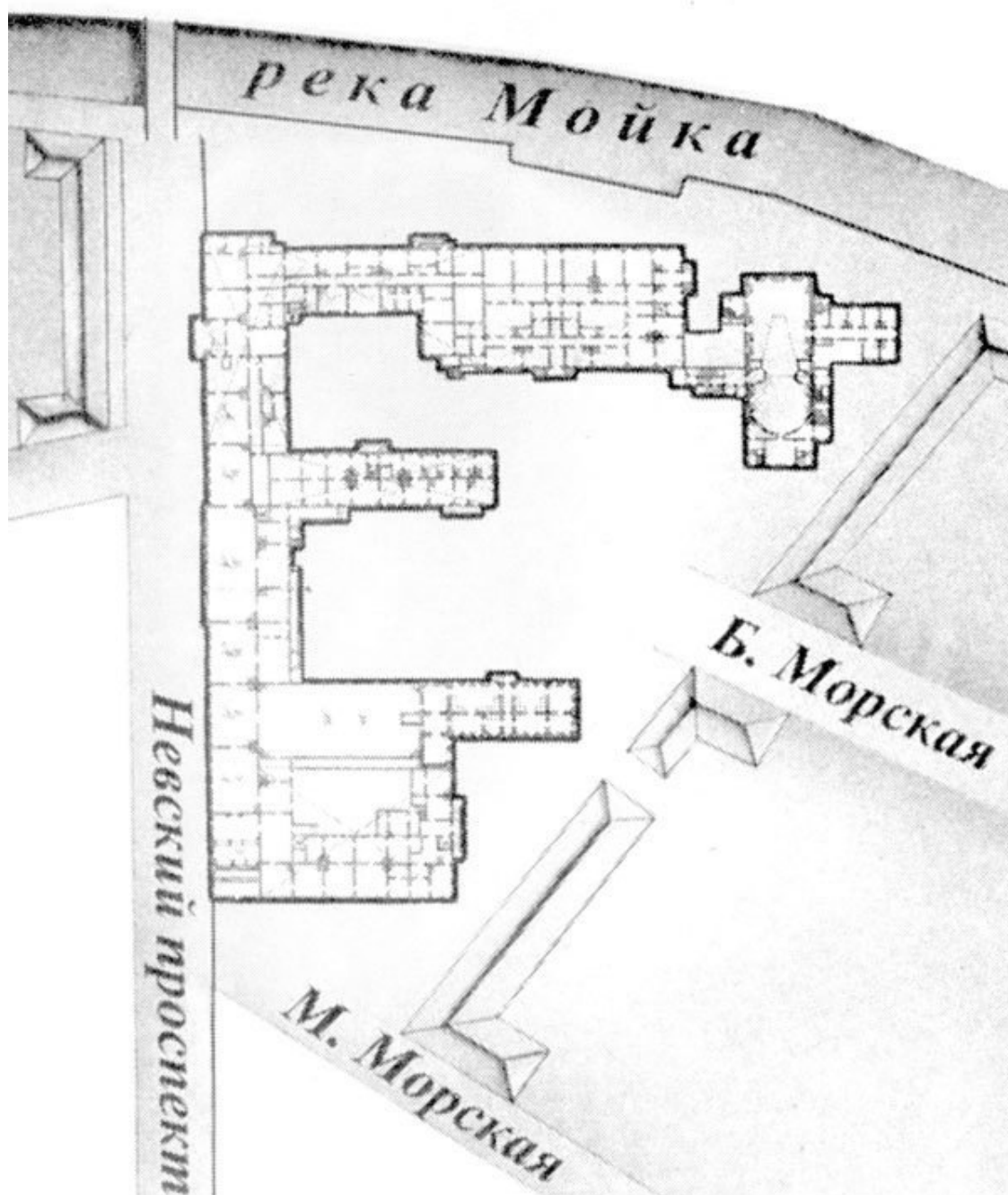

Схема расположения временного Зимнего дворца императрицы Елизаветы Петровны

Главный подъезд временного Зимнего дворца императрицы Елизаветы Петровны выходил на угол Невской перспективы и набережной реки Мьи. Гости и визитеры поднимались по великолепной дворцовой парадной лестнице, и, прежде чем войти в огромный Тронный зал, они проходили через анфиладу малых и больших роскошных залов, прекрасно украшенных и богато покрытых позолотой и венецианскими огромными зеркалами. По воспоминаниям императорского ювелира того далекого времени Иеромия Позье, «тронная зала представляла собой двойной куб в сто футов. Вся столярная работа выкрашена зеленым цветом, а панели на обоях золоченые. С оной стороны находится двенадцать больших окон, соответствующих такому же числу зеркал из самых огромных, какие только можно иметь, потолок исписан эмблематическими фигурами».

Императрица Елизавета Петровна

Русский писатель и естествоиспытатель Андрей Тимофеевич Болотов в своих мемуарах после визита во временный Зимний дворец императрицы Елизаветы Петровны также был поражен богатством отделки его залов и особенно роскошью Тронного зала.

Тронный зал, спроектированный зодчим Растрелли, занимал специально предусмотренный проектом и пристроенный сбоку ко дворцу огромных размеров флигель, к которому тогда примыкала домовая церковь.

Личные покои Елизаветы Петровны располагались в дворцовом крыле, обращенном на правый берег Мьи. В этом спокойном, тихом и уютном месте, ориентированном на медленно текущую реку и величественную панораму дворца Строганова, на большом балконе-террасе любила сиживать русская императрица после сытного обеда.

В покоях императрицы Растрелли предусмотрел помещения для двух детских комнат, где тогда находился сын великой княгини Екатерины Алексеевны Павел Петрович. Покои наследника престола Петра Федоровича и его супруги Екатерины Алексеевны располагались во дворце вдоль Луговой улицы (будущей Большой Морской) в границах участка между Невской перспективой и Кирпичным переулком.

Великий князь Петр Федорович и великая княгиня Екатерина Алексеевна

Неподалеку от резиденции молодоженов Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны, через переулок, на противоположном углу, находился особняк, принадлежавший в 40-х годах XVIII столетия столичному обер-полицмейстеру Федору Васильевичу Наумову. Действительный тайный советник и сенатор Ф. В. Наумов занял этот пост в 1704 году и сразу же подал прошение на имя государыни Елизаветы Петровны о присвоении ему причитающегося по должности чина генерал-лейтенанта. Получив искомое звание, генерал служил сравнительно недолго – всего четыре года (до 1744 г.). Особых заслуг на довольно ответственном посту не имел. Обер-

полицмейстер столицы ввел запрет на кулачные бои, издал приказ не иметь в домах на центральных улицах битых оконных стекол и предложил использовать участок перед строящимся у Невы Зимним дворцом под пастбище для коров дворцовой фермы. Участок будущей Дворцовой площади тогда действительно разравнивали и засевали овсом. В 1744 году Ф. В. Наумов по болезни уходит в отставку, но продолжает числиться сенатором. После смерти сенатора его дом и участок переходят в собственность Дворцового ведомства. В нем некоторое время жили придворные. Существует легенда, что в 1759 году в этом доме якобы квартировал Григорий Орлов, которого будущая императрица Екатерина Алексеевна впервые увидела из окна своей комнаты.

Великая княгиня Екатерина Алексеевна не любила, если не сказать ненавидела, временный Зимний дворец, ибо в нем ей пришлось пережить наиболее тяжелые дни своей жизни: в его покоях принцессу постоянно унижали, она страдала и переживала. Позже российская императрица Екатерина II ярко и подробно опишет мучительные дни жизни во временном Зимнем дворце в своих «Записках». Поэтому неудивительно, что в числе первых императорских указов пришедшей к власти государыни появилось распоряжение о немедленном сносе дворца Елизаветы Петровны.

Екатерина II довольно едко характеризует в «Записках» своего супруга, великого князя и наследника престола Петра Федоровича, описывая его детские забавы во дворце и библиотеку великого князя, расположенную в мезонине флигеля, который он тогда занимал: «Она состояла из книг описания юридических процессов, рассказов о разбойниках, колесованных и повешенных и набора многочисленных лютеранских молитвенников».

Приближенные императрицы Елизаветы Петровны также вспоминали, что жить в этом роскошном огромном дворце все же было довольно неудобно и порой холодновато. Нередко императрица распорядилась приглашать в покои дежурных караульных гвардейских офицеров и дежурных чиновников, чтобы согреть ее холодные дворцовые комнаты.

Вторая беда почти всех дворцовых покоев – нашествие мышей, облюбовавших большинство комнат и безбоязненно разгуливавших среди роскошной мебели больших и малых зал временного дворца императрицы. Решительная Елизавета Петровна срочно приказывает: «... сыскать в Казани тридцать лучших котов и немедленно прислать их к царскому двору вместе с человеком, который должен за ними ухаживать».

Режим и ритм жизни императрицы и ее придворных во дворце у Зеленого моста складывался весьма необычно. «Императрица, – по сведениям автора книг о Санкт-Петербурге Михаила Ивановича Пыляева, – имела обыкновение спать в разных местах, так что заранее нельзя было знать, где она ляжет. Это приписывали тому, что она превращала ночь в день и день в ночь. В 11 часов вечера она еще отправлялась только в театр, и кто из придворных не являлся за нею туда, с того брали 50 рублей штрафа...»

По воспоминаниям современников, Елизавета Петровна любила сытно поесть, а каждое блюдо запивала своим любимым токайским вином. Императрица была весьма набожна, поэтому в среду и пятницу вечерний стол всегда бывал после полуночи, чтобы избежать постной еды и особенно постного масла, которого она не переносила. Зато после полуночи наступал скоромный день, и тут уже на столе всегда появлялась в изобилии любимая императрицей разнообразная скоромная еда. Насытившись, государыня ложилась спать обычно в пять часов утра. Перед отходом ко сну Елизавета Петровна любила слушать рассказы старух и торговок, которых специально для нее приглашали во дворец со столичных улиц. Во время сна императрицы запрещалось ездить по Зеленому мосту экипажам, а иногда мост закрывался и для прохода пешеходов. Когда императрица спала, запрещался не только стук проезжающих по мосту экипажей и стук сапог людей, проходящих по Зеленому мосту, но и хлопанье кнутов кучеров. Сохранился даже удивительный указ Елизаветы Петровны в адрес возниц различных

конных экипажей: «Чтобы кучера, будучи близ двора Ее Императорского Величества, отнюдь бичами не хлопали».

Временный деревянный Зимний дворец императрицы Елизаветы Петровны славился своими знаменитыми маскарадами, балами и замечательными банкетами. Подобные увеселительные мероприятия приводили в неописуемый восторг даже бывалых французов, ранее побывавших на подобных вечерах в прославленном Версале.

Праздники во дворце на углу Невской перспективы и правого берега реки Мьи собирали в танцевальном зале многочисленных гостей. Иностранцы в своих воспоминаниях с восхищением писали не только о красоте и роскоши дворцовых императорских апартаментов, богато украшенных позолотой и замечательной уникальной резьбой деталей парадных интерьеров различных залов, о массивных зеркалах, люстрах с большим числом свечей, но и о прекрасной организации устраиваемых во дворце праздничных вечеров. В танцевальном зале с наступлением темноты одновременно опускались оконные шторы, и в изящных потолочных люстрах, как по команде, мгновенно зажигались 1200 восковых свечей, отблеск которых волшебным образом отражался в огромных стенных зеркалах. В малых и больших дворцовых залах на балах звучали мелодичные звуки двух императорских оркестров.

История 20-летнего правления всероссийской императрицы Елизаветы Петровны оставила потомкам многочисленные свидетельства и факты о том, что дочь Петра I, получившая весьма поверхностное образование, вела при дворе довольно веселую и весьма рассеянную жизнь. В характере императрицы удивительным образом сочетались набожность и неудержимая страсть к удовольствиям и бурному веселью. В годы ее правления начинания и чаяния Петра Великого продвигались к своему завершению довольно медленно. По мнению большинства соотечественников, Елизавета Петровна «была чужда всякой энергичной государственной деятельности».

Период правления императрицы Елизаветы Петровны стал предметом исследования для многих известных российских историков, изучавших подлинные документы из государственных архивов России, сохранившиеся воспоминания отдельных политических деятелей и придворных сановников, их частную и деловую переписку, позволяющую «из первых рук» узнать о суждениях этих государственных мужей, их оценках периода власти дочери Петра I, о ее пристрастиях и увлечениях вкупе с событиями, происходившими внутри Российской империи и за ее пределами. Их оценки 20-летнего царствования Елизаветы Петровны разноречивы, порой противоположны, но, с нашей точки зрения, могут представлять для читателей определенный исторический интерес.

Создатель «Истории государства Российского» Николай Михайлович Карамзин (Записка о древней и новой России. М., 1961), отмечал, что «счастье, благоприятствуя мягкосердной Елизавете в ее правление, спасло Россию от тех чрезвычайных зол, коих не может отвратить никакая мудрость человеческая, но счастье не могло спасти государства от алчного, корыстного П. И. Шувалова. Ужасные монополии сего времени долго жили в памяти народа, утесняемого для выгоды частных людей и ко вреду самой казны. Многие из заведений Петра Великого пришли в упадок от небрежения, и вообще царствование Елизаветы не прославилось никакими блестящими деяниями ума государственного.

Как при Анне, так и Елизавете, Россия текла путем, предписанным ей рукою Петра, более и более удаляясь от своих древних нравов и сообразуясь с европейскими. Замечались успехи светского вкуса. Уже двор наш блистал великолепием и, несколько лет говорив по-немецки, начал употреблять язык французский. В одежде, в экипажах, в услуге вельможи наши мерялись с Парижем, Лондоном, Веной. Но грозы самодержавия еще пугали воображение людей: осматривались, произнося имя самой кроткой Елизаветы или министра сильного, еще пытки и Тайная канцелярия существовали».

Российский историк Сергей Михайлович Соловьев писал: «При правлении Елизаветы Россия ПРИШЛА В СЕБЯ. На высших местах управления снова явились русские люди, и когда на место второстепенное назначали иностранца, то Елизавета спрашивала: „Разве нет русского?“ Иностранца можно назначить только тогда, когда нет способного русского. Но, говоря о значении царствования Елизаветы, мы не должны забывать характер самой Елизаветы. Веселая, беззаботная, страстная к утехам жизни в ранней молодости, Елизавета должна была пройти через тяжкую школу испытаний и прошла ее с пользою. Крайняя осторожность, сдержанность, внимание, умение проходить между толкающими друг друга людьми, не толкая их, – эти качества, приобретенные Елизаветой в царствование Анны, когда безопасность и свобода ее постоянно висели на волоске, эти качества Елизавета принесла на престол, не потеряв добродушия, снисходительности, так называемых патриархальных привычек, любви к искренности, простоте отношений. Наследовав от отца умение выбирать и сохранять способных людей, она призвала к деятельности новое поколение русских людей, знаменитых при ней и после нее, и умела примерять их деятельность...».

Советский историк, руководитель Коммунистической академии, института красной профессуры Михаил Николаевич Покровский, в духе первых лет советской власти, в своем труде «Русская история в самом сжатом очерке» в 1920 году довольно нелицеприятно отзывался об императрице Елизавете Петровне и ее государственной деятельности: «Эта была... развратнейшая из Романовых. Ее „фаворитам“ счета не было, и кто только не побывал на этой „должности“: от французского посла Шетарди до учеников Кадетского корпуса. Главным был придворный певчий из украинцев Разумовский. Своих придворных дам она приказывала сечь кнутом на площади и вырывать у них языки за непочтительные отзывы о ее величестве. У нее было 15 000 платьев, а когда она умерла, в казне не было ни одного серебряного рубля; войскам жалованье платили медной монетой, да и то перелив в нее пушки.

Последние годы царствования Елизаветы Петровны были омрачены не только нездоровьем императрицы, но и острыми проблемами внутренней политики. В начале 1760-х годов стало ясно, что достигнуть желанного благополучия подданных и на этот раз не удастся».

Автор замечательной книги «История России в живописаниях ее главнейших деятелей» Николай Иванович Костомаров, благодаря своему литературному таланту и объективности к деталям эпохи, ярко отобразил весь период царствования дочери Петра Великого и охарактеризовал детально заключительный этап ее пребывания на российском троне. Начиная со второй половины XVIII столетия Елизавета Петровна начала страдать тяжелыми болезненными припадками. Состояние ее здоровья первоначально тщательно скрывалось от всех, но затем они участились и появлялись при большом скоплении народа в императорской летней резиденции Царского Села. Причем теперь они выводили императрицу из строя на несколько дней. Усилилась слабость, и появились явные признаки нарушения речи до такой степени, что императрица не могла внятно говорить с придворными. Начиная с 1761 года здоровье Елизаветы Петровны ухудшалось день ото дня. Она уже не вставала с постели, но настоятельно требовала от придворных регулярного чтения государственных документов и докладов о положении внутри страны и за ее пределами. Ее огромным желанием теперь стала немедленная возможность переселения из временного Зимнего дворца в новый каменный на левом берегу Невы, который еще не был завершен строительством, ибо придворный зодчий Растрелли запросил довольно значительную сумму для его окончательной внутренней отделки, а казна в тот период была не в состоянии оплатить предоставленную архитектором смету необходимых расходов.

В конце ноября 1762 года Елизавете Петровне стало значительно лучше. Императрица даже приступила к работе с государственными бумагами, начертала резолюцию на сенатском документе и высказала свое неудовольствие за бюрократическое затягивание сроков решения важных государственных дел. Однако 12 декабря у императрицы произошел тяжелейший приступ удушья со рвотой и мучительным кашлем. Врачебный консилиум медиков того времени

пришел к неутешительному заключению о признаках ближайшей кончины государыни. Вероятно, предчувствуя свою ближайшую смерть, Елизавета Петровна по примеру своих великих предков 17 декабря объявила Сенату именной указ: «Освободить всех содержавшихся во всем государстве людей по корчемству, уничтожить следствия, возвратить ссыльных и изыскать способ заменить другими средствами соляной доход, собиравшийся с великим разорением народа».

22 декабря в 10 часов вечера новый приступ поверг императрицу в крайне тяжелое состояние, 23 декабря она исповедовалась и причастилась, а 24-го изъявила желание собороваться. Вечером, накануне праздника Рождества Христова, Елизавета Петровна приказала читать над собой отходные молитвы и внятно повторяла их за своим духовником. Ночь и последующее утро 25 декабря прошли в агонии. Петр Федорович и Екатерина Алексеевна неотрывно пребывали у постели умирающей императрицы.

Историк Н. И. Костомаров, упоминая о последних часах Елизаветы Петровны, отмечал: «В приемной, перед спальней собрались высшие чиновники и сановники. В начале четвертого часа пополудни вышел из спальни старший сенатор, князь Никита Юрьевич Трубецкой и объявил, что императрица Елизавета Петровна скончалась и государствует теперь в Российской империи его величество император Петр III».

Временный деревянный дворец на углу Невской перспективы и правого берега Мьи оказался последней официальной резиденцией российской императрицы – дочери Петра Великого. Елизавета Петровна скончалась в период завершения отделки нового каменного дворца на набережной левого берега Невы.

В камер-фурьерском журнале осталась последняя историческая запись бременной жизни императрицы, датированная 25 декабря 1761 года: «25-го числа во вторник в день Рождества Христова... пополудни в четвертом часу Ее Императорское Величество по воле всемилостивейшего Бога переселилась в вечное блаженство».

В записках придворного ювелира Иеремии Позье оставлено свидетельство о последних часах пребывания русской императрицы в своем временном роскошном дворце – в покоях, окна которых выходили на набережную реки Мьи: «Гроб с телом императрицы был установлен в зале, освещенной шестью тысячами свечей... Все статс-дамы и фрейлины окружали одр Елизаветы в глубоком трауре». Придворными были тогда особо отмечены необычный внешний вид и оперативные действия наследника престола Петра Федоровича – сына Анны Петровны и герцога Гольштейн-Готторпского. На его лице отсутствовало выражение печали и горя по случаю смерти тетушки, ранее объявившей его законным наследником престола. Петр Федорович довольно энергично распорядился построить вдоль временного Зимнего дворца Елизаветы Петровны гвардейские части, присягнувшие новому императору Петру III, и затем завизировал свой первый указ: «Генералитету, знатному шляхетству, дамам первых четырех классов иметь незамедлительный приезд ко двору Его Императорского Величества всем в цветных платьях, дамам быть в робронах [старинных женских платьях с кринолином. – Г. З.]».

В апреле 1762 года новый российский император поспешил перебраться из покоев временного Зимнего деревянного дворца, в законченное, но до конца еще не отделанное здание каменного Зимнего дворца на набережной Невы.

Опустевший временный Зимний дворец, занимавший массивный квартал Адмиралтейской части, еще некоторое время использовался. В его залах изредка устраивались парадные обеды и маскарады. Однако вскоре все же началась бережная разборка дворцовых покоев и служебных помещений. В январе 1765 года «Санкт-Петербургские ведомости» опубликовали объявления, в которых предлагалось желающим взять подряд на разборку одного из дворцовых флигелей, а затем перевезти его в Красное Село и там поставить. Кроме того, через газету предлагалось желающим взять подряд для аккуратной разборки стен и части фасада времен-

ного Зимнего дворца и перевезти их на Исаакиевскую площадь к Синему мосту, где будет возводиться дворец графа И. Г. Чернышева.

К 1767 году от огромного дворцового здания остались лишь три каменных составляющих строения: театр, Тронный зал и кухня. Часть участка со зданием бывшего дворцового театра и Кухонный корпус по распоряжению Екатерины II приспособили под жилую квартиру для приглашенного в Россию знаменитого французского скульптора Этьена Мориса Фальконе, взявшего подряд на изготовление конного памятника Петру Великому («Медный всадник»). Огромный дворцовый Тронный зал тогда же превратился в рабочую мастерскую великого скульптора, где вскоре была изготовлена модель конной статуи. Немалое количество деталей роскошной отделки временного Зимнего дворца новая императрица Екатерина II повелела отдать для украшения строившихся дворцовых помещений своего фаворита Алексея Орлова и графа И. Г. Чернышева.

Уникальный богатый иконостас дворца передали «с уборами и кафедрой для поставления в деревянную церковь Во имя Входа Господня в Иерусалим», известную также как церковь Знамения Божией Матери, построенную в 1759–1765 годах по повелению Елизаветы Петровны. Освящение храма, возведенного на Невской перспективе у Лиговского канала, началось с его приделов: одного – в честь Знамения Пресвятой Богородицы (в сентябре 1765 г.), второго – во имя Святителя Чудотворца Николая (год спустя). Главный же придел храма – Входа Господня в Иерусалим – освятили позже всех, в июне 1768 года.

Знаменская церковь

В эту главную церковь и перенесли иконостас домового церкви из бывшего деревянного временного Зимнего дворца императрицы Елизаветы Петровны, а позже данный иконостас установили в построенном на этом месте каменном храме (1804 г.), возведенном после сноса ветхого деревянного церковного строения.

По мнению современников, Знаменская церковь принадлежала к числу наиболее красивых храмов Северной столицы. При нем с 1865 года открыли приходское благотворительное общество для вспоможения бедным и приют для приходящих детей. Общество за свой счет до 1917 года содержало богадельню для престарелых и увечных женщин, убежище для малолетних детей-сирот со школами, бесплатной столовой и квартирой для них.

В 1922 году по решению ВЦИКа из храма изъяли все ценности. Со временем гонения на церковь усилились, священнослужителей и активно защищавших храм прихожан обвинили в антисоветской деятельности и репрессировали. Знаменская церковь не избежала уничтожения.

Дом генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга Н. И. Чичерина

После завершения разборки временного Зимнего дворца императрицы Елизаветы Петровны Большую Морскую улицу вновь продолжили до Невского проспекта. Часть освободившегося квартала между рекой Мьей, Большой Морской улицей и Невской перспективой Екатерина II даровала обер-полицмейстеру Санкт-Петербурга, генерал-аншефу и сенатору Николаю Ивановичу Чичерину – человеку состоятельному, владевшему домами и имениями, жившему в столице на широкую ногу, отличавшемуся гостеприимством и хлебосольством. Небезынтересно отметить, что владелец огромного дарственного земельного надела обер-полицмейстер первой и последней столицы Российской империи, одно из «первоначальствующих лиц» Северной Пальмиры, генерал-аншеф и сенатор Николай Иванович Чичерин происходил из древней знатной итальянской аристократической семьи.

Его предки появились на Руси во второй половине XV столетия, обрели в Московском великом княжестве свою вторую родину и принимали активное участие в формировании и защите единого Российского государства.

12 ноября 1472 года в Москву торжественно въехало большое иноземное посольство. Множество придворных сопровождало тогда Зою Палеолог – племянницу последнего византийского императора Константина XI, прибывшую в Москву в качестве невесты великого князя Московского и Владимирского и государя всея Руси Ивана III Васильевича, брак с которым способствовал возвеличиванию Русского государства, а его правитель становился преемником Византии. После венчания Зоя Палеолог нарекается великой княгиней всея Руси Софьей. И действительно, государь всея Руси Иван III Васильевич, получивший этот титул в 1478 году присоединил к Московскому великому княжеству Ярославль, Ростов, Новгород, Тверь, Вятку и ряд других автономных княжеств, сформировав территориальное ядро Российского государства, свергнувшего наконец после «стояния на Угре» и военных действий в 1480 году между ханом Большой Орды Ахматом и русской княжеской дружиной длительное татарское иго и прекратившего в дальнейшем выплату Орде ежегодной дани.

В сражениях и военных операциях Ивана III активное участие принимал осевший в Российском государстве и служивший ему верой и правдой придворный византийского императора Константина XI, сопровождавший великую княгиню Софью Палеолог, итальянец Чичерони, ставший русским дворянином Чичериным, потомки которого поколение за поколением честно служили новой родине. Праправнук прибывшего на Русь итальянца боярский сын Дмитрий Иванович Чичерин пал смертью храбрых при взятии Казани в 1552 году, а подпись его внука думного боярина Ивана Ивановича Чичерина стоит среди прочих под грамотой об избрании на престол первого государя Романова – царя Михаила. Иван Андреевич Чичерин храбро сражался со шведами и был убит в решительной атаке Полтавского сражения. Его сын, полковник Василий Иванович Чичерин, служил первым полтавским военным комендантом.

В начале царствования императрицы Екатерины II прекрасную служебную карьеру сделали два брата из рода дворян Чичериных – Денис Иванович, генерал-губернатор Сибири, и Николай Иванович, назначенный императрицей в 1764 году сенатором и санкт-петербургским генерал-полицмейстером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.